

16+

Василий Попов

Из животворящей капли крови 2

К мировому господству по скользким ступеням

Василий Попов

**Из животворящей капли крови
2. К мировому господству
по скользким ступеням**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Попов В. Л.

Из животворящей капли крови 2. К мировому господству по скользким ступеням / В. Л. Попов — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-532-08204-5

Кровавое сообщество возвращается. Князь Владимир снова на троне темного мира. Реальный же мир подвергается нападкам кровопийц - чужаки, пришедшие за кровью человеческой расы из другого мира, не из потустороннего... Люди обращаются за помощью к Владимиру. Но не он спасает Землю. ISBN 978-9949-88-415-5

ISBN 978-5-532-08204-5

© Попов В. Л., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

К мировому господству по скользким ступеням

Новолуние

*Багровых рек потоки
текут на полуночный свет
возле кровавого истока
почти нетленных строк завет.*

– Это тотем нашего племени. – Говорящий указал на странную бесформенную конструкцию из веток растений и отбеленных костей. – Он с нами больше века и никогда не подводил. Будь то обряд жертвоприношения, защита племени или выбор очередного вождя...

– Он указал на тебя? – Владимир, не мигая, смотрел в глаза альбиноса цвета охры, в которых отражались блики костра.

Тот не ответил. Крикнула птица, пошумев листвою кустарника. Вождь Тубу протянул деревянную чарку Владимиру.

Отдающая землёй жидкость проникла в организм, сначала охладив внутренности, затем обжигая, словно огнем. Владимир поморщился ощущениям.

– Мы зовём его Галс. И теперь он говорит, что чужаки пришли погубить наше племя...

Лицо Тубу «поплыло» перед глазами. Слабость в теле не давала собраться с силами, а затуманенный мозг отказывался логически мыслить. Владимир задал вопрос, который крутился у него на языке задолго до последней фразы вождя, задолго до этого разговора. Он слышал и раньше, что тотем племени говорит(!). И теперь он понял, почему вопрос так долго оставался не заданным, – только сейчас пришло его время.

– А как «это» может говорить?

Ещё не затихло эхо в голове от собственного вопроса, как он услышал шёпот. Тотем действительно говорил. Говорил уродливым ртом. Страшные слова. И что странно, голосом Нади. Владимир знал, что это шепчет она.

Страх, не отпуская, держал своими цепкими «руками». Периферийно Владимир видел, как ушёл Тубу. За ним его женщина Видо и их воины-телохранители. Белые тени скрылись во мраке сознания. Смазанным кадром растворился и уродливый рот тотема племени. Но остался шёпот. И он предсказывал будущее. Страшное будущее. Будущее Земли и участие в этом грядущем Владимира и части людей его сообщества.

– А он неплохо устроился. – Вера чувствовала усталость от невыносимого зноя. – Впрочем, адаптация в любых условиях для него никогда не была проблемой.

Саша и Александр поднимали безвольное тело Владимира. Пощечины и обрызгивание водой привели полусидящего человека в сознание. Взгляд сфокусировался на шелкающих пальцах Нади.

– Где он? – С вопросом изо рта Владимира скатились слюни.

– Кто?

– Тубу...

– Они ушли. Все ушли! – Вера усмехнулась. – Твой метод ведения дипломатических переговоров странно повлиял на его окончательное решение...

– Его решение спасло вам жизни... – Черногожий, склонившись, приподнял веко Владимира. – Это Таспо – смесь из ядовитых растений и галлюциногенных грибов – вводит человека в транс с соответствующими побочными эффектами. К вечеру он будет в порядке.

Африканец уводил их по едва различимым тропам среди листьев тропических растений. Кричали птицы, встревоженные появлением человека. Влага покрывала тела.

– Жители племени и раньше пропадали. – Между словами проводник прислушивался к звукам. – Кто сам уходил, кого похищали, кого-то тайно продавали свои же... Алчность не чужда даже изгоям. А может даже, среди них она выражена гораздо острее.

– А что же жрецы и тотем племени не предотвращали подобное? – Саша устало отмахивалась от липнущих к человеческим существам насекомых.

Африканец ухмыльнулся:

– Это воля Галса.

– Подобной фразой можно оправдать абсолютно всё, – Надя вытирала вспотевшее лицо, – даже самое страшное.

– Да, но не последнюю пропажу... – Чернокожий остановился и, обернувшись, осмотрел цепочку усталых людей. – Это ваших рук дело, и вы это знаете!

– Раз существует такая уверенность, почему нам позволили уйти, да ещё и дали проводника? – Вера оперлась на плечо Владимира.

– Галс... Видимо, вы для чего-то нужны там, ... в своём мире.

Группа усталых людей переглянулась между собой. Недоумение во взглядах. Изможденная усталость на лицах.

– Для чего? – Александр – единственный, кто озвучил вопрос, мучивший основную массу.

– Знает она, – африканец указал на Надю, – а теперь и он!

Владимир смотрел на указательный палец, направленный на него, и морщил лоб, что-то вспоминая. Обстановку разрядил проводник, уводя следующих за ним в заросли, наполненные запахами и криками птиц или животных.

– А почему ты помогаешь нам? – Вера протянула руки ближе к пламени костра, когда они расположились на ночлег.

Дневной зной сменился холодом. Резкий перепад негативно отражался на физическом состоянии кровопийц.

– Я помогаю не вам, – африканец закурил, – я помогаю им.

– Почему помогаешь им? – Саша пыталась согреться о не менее дрожащее от холода тело Александра.

– С ними живёт моя дочь...

– Как это?

– Она одна из них – девочка в тигровой накидке, что варила вам отвары. – Проводник подкинул веток в костёр. – Я не хотел бы, чтобы она пропала следующей!

Сидящие возле костра переглянулись. Африканец понял, что в предположении был близок к реальным планам «кровососущих» существ.

– Почему она не такая, как ты? – Владимир – единственный, кто смог разрядить обстановку.

– Это очень долгая история, и она неинтересна, как смысл чужой любви – посторонним людям. Это всегда лишь тема для насмешек и обсуждений.

– Её мать была “прозрачной”? – От Саши не укрылась выступившая на глазах проводника влага.

– Будем спать. – Чернокожий укрылся шерстяным пледом. – Завтра тяжелый день: длинный путь и не менее тяжелый разговор с воинами племени, контролирующего переход через ущелье.

– Как твоё имя? – Саша устраивалась в объятиях Александра, глядя на полусонные лица компаньонов.

—Я оставил свое имя в школе, где преподавал историю, там я слышал его в последний раз...

—

Любовь кормит голубей, стоя на балконе. Двухэтажный дом. Лучи солнца, проникая сквозь облака, греют по-осеннему слабо. Часы на ратушной площади бьют полдень. Приветственные взмахи прохожих, идущих по кривым улочкам старого города.

Птицы мира клюют булку из рук Любы, а белый красавец с черным хвостом, напоминающий веер, — даже из её губ. Девушка заканчивала каждую кормёжку этим трюком. Затем голубь взмывал ввысь, и вся стая, взлетая с балкона, следовала за ним. Птицы, уносясь и касаясь крыльями крутящейся в этот момент Любы, осыпали её пухом и перьями.

Сосед, начинающий фотограф, ежедневно делал снимки этого танца. И каждый раз, отсылая лучшие кадры в журналы, обещал Любе место на обложках передового глянца. Всё оставалось на стадии обещаний. Что вполне устраивало Любу.

Она не хотела славы. Люба её даже как-то боялась. Из-за семьи. Дурная слава «гуляла» вместе с ней — её семьей.

Семья сидела за столом. Совместный обед. Обычное дело для ячейки общества. В любой прослойке социума. Принятие пищи годами объединяет и превращается в своеобразный семейный ритуал. На этой кухне всё было иначе.

Виной не только раздельность блюд из-за вегетарианства Любы. Плюс озлобленность родственников из-за особенности «белой вороны» в семье. Даже любящая мать проявляла вспышки агрессии на этой почве. Люба не такая, как все.

Девушка ела фасоль и салат из спаржи с помидорами. Остальные, стараясь быть близкими к этикету, резали сочные стейки. Звериный голод в глазах делал родные по крови человеческие существа абсолютно противоположными ей. Но Люба привыкла к этому и, не обращая внимания, листала страницы на экране планшета.

Звонок в дверь. Мать положила перед отцом конверт. Письмо. Такая редкость в современном мире. «Реликвия» остановила обед: всем знакома тисненая бумага светло-зеленых конвертов. Обычно это новости. Хорошие или плохие. Но многое говорящие и обычно радикально меняющие жизнь.

—Что там? — Глеб, старший сын, забыл про мясо, тряпкой висящее на вилке.

Глаза отца, периодически останавливаясь на строках, щурились, вызывая различные эмоции у членов семьи.

—Они нашли семью Яна...

—И...? — Мать накрыла ладонью открытый в «ахе» рот.

—Их больше нет! — Отец, всё ещё держа письмо, смотрел в пустоту пространства. — Источник сообщает, что в доме Яна нашли какие-то снимки с членами наших семей...

—Это всё из-за тебя! — Глеб бросил вилку с мясом в тарелку.

Его ненавистный взгляд был обращён к сестре. Выражение чувств любви отсутствовало и во взглядах отца с матерью.

—Это ошибка, Люба... — Отец, замолчав, рвал письмо.

—Ещё этот папарацци под окнами! — Гнев Глеба обреченно растворился во фразе.

Во взгляде матери укор. Слезы на глазах Любы.

—Им займемся позже! — Отец продолжил обед.

—Почему они преследуют нас? — Люба взвизгнула: Глеб вырвал планшет из рук сестры.

—Потому что мы другие, девочка, не такие, как все. — Звериный блеск в глазах отца сопутствовал пережевыванию пищи.

—

Ущелье встретило свежестью и шумом водопада. Даже в палящем зное от воды шла бодрящая прохлада, придающая сил группе уставших путников. Они подставили свои утомленные лица брызгам воды. Прозрачные капли стекали по коже с серым оттенком.

Их мучил голод. Основной голод. Утоление которого требовало свежей крови.

Сквозь шум водопада прорвался шорох за спиной. Компания «кровососущих» синхронно развернулась.

– Это шутка? – голос Веры дрогнул.

– И скорее всего, чернокожая, – Владимир зловеще улыбнулся, – потому что смеется только наш проводник! Юмор, видимо, расистски разнится вместе с цветом кожи...

– Как и всё на земле! – Африканец сплюнул сквозь зубы.

– Ты привел нас к тем, от кого спас! – Надя вскинула открытую ладонь. – В чём смысл!?

Перед ними действительно стояла группа африканских альбиносов. В глазах воинов “прозрачных” – пустота, в их руках копья, луки со стрелами.

– Они не такие, как племя Тубу, – проводник улыбнулся белозубо, – вы это скоро поймёте. Ты, – он указал на Надю, – пойдешь к шаману их племени.

Один из “прозрачных” подозвал Надю рукой.

– Почему? – Надя, проходя мимо чернокожего спутника, посмотрела в его горящие злобой глаза.

– В племени вождя Тубу жила не одна моя дочь, – процедил сквозь зубы африканец. – Пропавшая девочка была ее старшей сестрой...

Надю подхватили под руки два воина. Наконечники копий остальных уперлись в Александра с Владимиром, предпринявших попытку пресечь грубость по отношению к Наде.

– За всё надо платить! – Проводник подошёл к Владимиру. – И за прошлое, и за будущее. И за кровь девочки, ...и за проход через ущелье.

Солнце большим алым кругом садилось в джунгли. Брызги от водопада играли всеми цветами красного. Кроваво-красного.

К ним относились довольно сносно. Группа пленников расположилась возле одного из костров. Пара воинов за их спинами.

– Что говорит твоя хваленая интуиция? – Владимир вдыхал запах готовящегося на соседних кострах мяса.

Взгляды альбиносов были наполнены ненавистью и в тот же момент любопытством. Многие из них видели белых не африканцев впервые.

– Она притуплена голодом и усталостью... – Вера курила с закрытыми глазами. – Остатки концентрата не дают нужного эффекта. – Она позволила себе улыбнуться. – Тебе ли этого не знать?

– Она даже не говорит, зажарят нас на костре или нет. – Владимир вглядывался в ночное небо, словно искал в нем что-то.

– Нас не съедят! – Вера усмехнулась, глядя на оторопевшую Сашу. – По крайней мере, не всех...

Противостояние Нади и шамана племени было интересно с точки зрения эзотерики и оккультных научных исследований. Но на взгляд обыкновенного обывателя выглядело сценой из театра абсурдов.

Шаман. Шапка вьющихся волос. Безумный взгляд. Кожа, смазанная чем-то липким, светится в полумраке палатки, сотворенной из звериных шкур.

Он усадил ее напротив себя и в такт бубна затянул какую-то унылую песнь. Надя, закрыв глаза, покачиваясь, шевелила губами. Затем они выпили жгучий отвар и выкурили трубку с едким запахом дыма. Глаза сидящих друг напротив друга «горели» в пламени костра.

Надя очертила круг вокруг себя на песке, добавив по паре иероглифов снаружи и внутри линии. Она закрыла глаза и, покачиваясь, зашептала на одном из древних языков.

Шаман создал ритм в такт ее движениям. Иногда он расширял от ужаса глаза, словно понимая транслируемые ею образы и сюжеты. Затем, закрыв глаза, заговорил на своем языке, то повышая голос, то понижая его до шепота.

Финалом стал диалог на абсолютно разных языках под броски черепков со стороны шамана и расклад карт Нади. Они подкрепили свои альтернативные решения распитием странного чая и выкуриванием пары трубок.

Затем в обнимку они вышли в «свет». Точнее, в ночь.

Им удивились не только спутники Нади, но и соплеменники шамана.

Костры разгорелись ярче. Возбуждение в племени «прозрачных» усилилось несколькими жестами вождя. Звук тамтамов. Ритуальные танцы. Празднование неизвестного для пленников торжества зарождает в них некую неопределенность.

– Свинья грязь везде найдёт! – Владимир определил поведение Нади.

– Неужели это ревность, Владимир? – Вера смеялась, принимая от вождя сосуд с горячей жидкостью. – Ты же тоже порылся среди «второсортных» желудей, забыв про нас... Так кто здесь свинья?

Саша смотрела на своего прадеда, увлекаемая Александром и «прозрачными» в хоровод ритуальной пляски.

– Я всего лишь хотел побыть один... Иногда это просто необходимо.

–

Девятичасовой бой на башне ратуши. Семья собирается в спешке. Люба в кресле, прижав к себе рюкзак и поджав колени. Падение ненужных в дороге вещей заставляет вздрагивать девочку.

Звонок директору школы освободил ее от занятий и учебное заведение – от восприятия образов родителей Любы и ужаса, связанного с этим.

В полумраке улицы кружат голуби, не дождавшиеся кормежки и танца девочки. Вызванные соседями полицейские находят кровь и остатки расчлененного тела молодого фотографа с разбитой аппаратурой в его комнате.

– Чао-какао! – Соседка по площадке на прощанье чмокает в щеку Глеба.

Ей всегда нравился этот странный молодой человек: ласковый и нежный, но безумный, порой как зверь. Она роняет слезу, вызывая такси его семье, «желательно минивэн», до аэропорта.

Она же открывает дверь через полчаса полицейскому. Рутинный опрос, связанный с убийством в доме по соседству.

– Нет, не слышала... – Девушка облизывает губы, съедая вишневое варенье. – Такой очкарик? Всегда смешным казался. Кому понадобился?...

– А соседи напротив? Может, они слышали что-то?

– Улетели. – Во рту, еще «помнящем» вкус вишни, пропадает пластинка жевательной резинки.

– Есть номер кого-то из них?

– Где-то был. – Девушка поправляет волосы, оголяя часть шеи, чем определяет свою дальнейшую судьбу. – Пройдите, я запишу.

Записываемые цифры номера телефона становятся крупнее в ее глазах, а из склонившегося над столиком тела высасывается жизненная субстанция. Пузырь жвачки, лопаясь, прилипает к её синющим губам. Красивая кожа тускнеет на глазах. Девушка трясется в агонии и замирает в руках «стража закона».

Хитрая уловка с аэропортом дала немного времени. Они нашли их на пустом перроне метро.

Люба замерла возле стеклянных дверей. Ужас от увиденного расширяет глаза. Банальная любовь к конфетам Nagibo спасает ей жизнь.

За стеклом внизу на перроне умирает ее семья. Страшные люди действуют молча и быстро. Эхо от звуков борьбы забивает уши. Острые клыки рвут плоть. Жадные рты пьют родную ей кровь. Взгляд матери «кричит»: «Беги!» В ответ – беззвучный крик Любы.

Выход из подземки. Полночь. Свежий воздух. Стая голубей. Рассыпанный по брусчатке пакет конфет. Семьи больше нет. Одиночество. Ещё до конца не осознанное, но уже убийственное. Встречный ветер высекает слёзы из широко распахнутых глаз.

Сильная рука останавливает её. Ужас сковывает тело. Взгляд жутких глаз перед лицом. В них непонимание. Любу обнюхивает человек с бледным лицом. Бледным, как в небе луна. Разочарование в тех же глазах.

Нет, не Нарibo – вегетарианство спасает ей жизнь. Или даже стечение обстоятельств: этот клан «второсортных» предпочитал кровь плотоядных жертв. А Любины родственники – вообще заоблачное удовольствие для эстетов этой касты.

—

Они прощались. Навсегда. Разные по мировосприятию, пристрастиям и смыслу жизни. Случайно оказавшиеся в одной точке земли. Прощались, как близкие. Близкими ставшие за одну ночь.

Ты друг, если не враг. Подобное разрушает устоявшееся социальное восприятие нескольких поколений. Ведь ты можешь быть не врагом, но и другом быть не обязан.

Струйки дыма погасших костров. Вкрадчивые лучи солнца сушат капли ночной влаги на листьях отдохнувших за ночь растений.

— Это наш новый проводник? – Саша разглядывает одного из «прозрачных», подведенного под руки воинами племени альбиносов.

— А где наш старый? – Александр зевнул в поисках глазами жидкости – сухость во рту невыносимая.

— Специи, которыми была приправлена его плоть, и сушат тебя в данный момент. – Владимир, улыбаясь, смотрел на кружащих по ту сторону водопада летучих мышей.

— Вряд ли я... кого-то ел!

— Ел и просил ещё, – Вера казалась посвежевшей лицом, – и уверял всех, что это относительно пригодный заменитель «знания»!

Александр нашёл подтверждение услышанного в кивке Саши.

— Так все-таки кто же это? – Вера тоже обратила внимание на крик летучих мышей.

— Он пленник. – Владимир заметил веревки на руках «прозрачного» и указал кивком головы на Надю. – А она всё разъяснит...

Надя, попрощавшись с шаманом, жестом указала на тропу, ведущую сквозь ущелье.

— Он из племени Тубу, и это дар нам. – Надя, ускорив шаг, призвала рукой сделать тоже самое своих спутников. – Нас поняли и приняли, признав такими же, как и сами...

— Ещё бы... – Владимир ухмылялся, замыкая шествие.

Пройдя опасные участки дороги, члены сообщества остановилась, чтобы утолить голод. Пленник не сопротивлялся, он словно смирился со своей участью жертвы. Возможно, он шёл на это осознанно. Возможно, слыша голос Галса.

Его крови хватило, чтобы сообщество восстановило силы и посвежело. Послышалась бодрость в словах. Появилась уверенность в движениях.

Владимир держался особняком. Его утомительные мучения сняли летучие мыши. Поэтому и порция «знания» для него была мизерная. Но достаточная. В этом заключалось его преимущество.

Приготовлением «знания» занималась Надя. Теперь процесс держался в особом секрете. Да и вряд ли кто-то смог бы повторить несколько фраз на непонятном языке древних и в определенной последовательности.

Надя становилась тотемом их племени. Современного жуткого племени.

Мумиеобразное тело «прозрачного» упало в высокую траву. Летучие мыши, чувствовавшие дискомфорт в местном климате, исследовали его в поисках остатков крови. Писк. Возня.

Но Владимира не беспокоила суета его маленьких слуг: его волновал обновленный состав «знания» и... сообщества. Он проецировал противостояние сторон и понимал очевидную слабость его потенциальных сторонников. Понимала это и Вера: она улыбалась растерянной задумчивости Владимира.

На удивление быстро они добрались до большого населенного пункта. Местные африканцы согласились помочь добраться до портового городка. Поездка обошлась в считанные гроши. И закончилась торжественно: кровь случайно оказавшегося в порту белого человека (настоящего европейца) окунула представителей сообщества в атмосферу ностальгии, заставив некоторых из них прослезиться.

—

Дмитрий. Лжедмитрий. Его появление в верхнем эшелоне власти «второсортных» было связано с исчезновением князя Владимира. Нет, он не обладал «знанием» и уникальной способностью манипулировать нижестоящими в иерархии. Отчасти из-за нехватки опыта на руководящих постах. Но в основном – проблема «не голубой крови». Он вышел из низов, набросив на себя личину одного из представителей знати, и появился на небосклоне сильных мира кровопийц.

Ложь. Она помогла ему приблизиться к рычагам управления. Но не больше. Не хватало должного авторитета. Отсутствовал страх «второсортных» перед Лжедмитрием. А это одно из основных преимуществ лидера. Не важно – страх перед умом, силой или способностью плести интриги.

Но все-таки, поднимаясь по своей кривой карьерной лестнице, Лжедмитрий приобрел одно из преимуществ. Как ни странно, – связи. Случайная связь с отбросами человеческих существ открыла ему глаза на грядущее. Знание информации о предстоящем пришествии усилило шаткое положение Лжедмитрия. К нему прислушались. За ним следовали. Исполняли его приказы.

С исчезновением Князя «второсортные» пережили падение и анархию. Присутствие Владимира, даже осознание его присутствия, дисциплинировало кровопийц. Исключая, конечно, периоды хаоса и кровавые слёты. Но тем не менее «второсортные» знали о существовании Князя, «знания» и силы их обоих.

Безвластие прекратил Лжедмитрий, озвучив информацию о пришествии и о грядущем изменении в противостоянии между человеческими существами и представителями потусторонних концессий. Кровь. Всё изменит кровь. Точнее, её чистота и классификация по группам.

Многие из «второсортных» со скепсисом отнеслись к информации. Если бы не одно но. О пришествии и смене в положениях существующих миров говорили древние книги и шепот «из уст в уста» среди элитарного слоя кровопийц. Лжедмитрий был близок к источникам, как никто ранее. А это заставляло прислушиваться и менять мнение о «стремящемся».

Зло подчинит добро. Тьма поглотит свет. И ад поднимется к небесам. Тесня его к звездам.

«Второсортные» ждали этого. Прятаться в гробах, кладбищенских склепах и заброшенных подвалах надоело. Хотелось загнать туда простых смертных. И Лжедмитрий вёл их к этому.

Но власть подразумевает и кнут, и пряник, и разделение... Это несколько утомляло Лжедмитрия: вышедший из низов предпочитал ничегонеделание, восседая на троне. Но низы... Низы вели разгульную жизнь.

—Константин!

—Да, мой господин!

—Что там с этими анархистами? – Лжедмитрий любил в полдень кровь девственницы со льдом и веточкой мелиссы. Он пускал пузыри в бокале через трубку для коктейлей. – Есть какие-то новости?

Константин был высок и статен, всегда аккуратно одет и трезв мыслями. Хладнокровен, как наемный убийца. Его раскосые глаза следили за летучими мышами, вновь появившимися в кельтском замке. Маленькие зверьки – единственные, кто выводил его из состояния равновесия и непоколебимости. Раскосость глаз сфокусировалась на господине.

– Они торчат!

– Мм-м... – Лжедмитрий поерзал на троне.

– Простите, ...злоупотребляют наркотиками. – Константин стряхнул ворсинку с дорогого пиджака. – Уже неделю на фестивале “Транс вояж”...

«Уж лучше веселиться, чем работать, и водку пить, чем воевать», – пробубнил восседающий на троне и тоже бросил взгляд на мышей, повисших друг на друге под потолком.

«Второсортные» не могли употреблять субстанции, приводящие простых смертных в чувство эйфории. Поэтому они попросту пили кровь тех, кто принимал наркотики, при этом испытывая состояния, схожие с употребившими. Они, как люди, становились зависимыми и испытывали чувство ломки.

Отделы по борьбе с наркотиками достигли невероятных успехов: кривая поставок и продаж упала. Поэтому зависимые «второсортные» «помогали» простым смертным, забрасывая в массы наркотики и, соответственно, кайфуя при этом.

– А как же общее дело? Темный мир? Пришествие!? – Лжедмитрий вскочил и заходил по залу, с ненавистью поглядывая в окно на светлеющие тона рассвета.

– Их необходимо обнадежить. – Константин прокашлялся. – Ведь не будь простых смертных, они не смогут употреблять.

– Бл...дь! – Лжедмитрий частенько использовал ненормативную лексику, объясняя это псевдо близостью к низам.

Мыши зашевелились под потолком. Глаза Константина обратились к зверькам.

– Я подумаю, что можно сделать... – Лжедмитрий раскрыл страницы планшета. – А пока займитесь каннибалами!

– Да, мой господин!

Константин тоже имел некоторые пристрастия: он любил коньяк. Десятилетняя выдержка как минимум. Часовое присутствие в жертве, легкое алкогольное опьянение простого смертного. Жертва ждала его в кабинете. И Константин спешил, не обращая внимания на лучи утреннего солнца, врывающиеся в бойницы восточной башни замка.

–

Каннибалы подвергались гонениям. Мало того, что их преследовали полиция, судебная система, родственники жертв и общественность, – их искали и, находя, убивали кровососущие. Именно убивали. Согласно общепринятым версиям простой смертный, укушенный вампиром однократно и нет, становился сам кровопийцей. Это грозило эпидемией, нежелательной в будущем. Поэтому был отдан приказ: кровь с укушенной жертвы сливать до фатального исхода – Лжедмитрий тоже умел мыслить объективно.

Каннибалы не стали исключениями. Наоборот, стали своеобразным деликатесом для мира кровососущих. Ведь они ели человеческую плоть, а значит, их кровь была кристально чиста. Что было не лишено смысла: пожиратели себе подобных, не осознавая, меняли химический состав собственной крови. Воздвигая ее в разряд элитной.

Недоумевая, почему они стали целью постоянных преследований, каннибалы объединялись в группы, пытаясь дать отпор кровопийцам. Что, в связи с малочисленностью плотоядных, получалось с трудом. Точнее сказать, не получалось совсем. Они попросту исчезали как вид.

–

Люба проснулась от холода. Вагон скоростного поезда увозил ее на сотню километров к западу от места последнего проживания. Она ехала предупредить друзей. Они были тоже

каннибалы. Раньше дружили семьями, но раздробленность после объявления тотальной войны с ними со стороны кровопийц разбросала их в разные стороны.

Красивый город, не тронутый разрушениями. Налицо урбанизация нескольких поколений. Минимальная индустрия, делающая городок автономным. Город – маленькая страна со своими правилами и законами. Одним из правил являлось добродушие к новым поселенцам. Семья каннибалов в ответ терпеливо ездила в соседние города для добычи своего страшного провианта.

– Ты не местная, девочка? – Седая старушка кормила котов возле здания вокзала. – Могу я тебе чем-то помочь?

– Да... Я ищу родственников, они живут здесь около года...

– Такая милая пара с мальчишкой-подростком? – Старушка улыбнулась кивнувшей Любе. – Я провожу тебя к ним. Они неплохие люди. И тоже кошатники...

Ее сухая рука цепко вцепилась в Любино запястье.

Наверное, так держат оковы преступников.

Они шли по аллее каштанов вслед уходящему солнцу. Девочка и сухая старуха. За ними стоя бездомных существ. Коты, шипя и дерясь между собой, оббегали разновозрастную пару и снова выстраивались им вслед цепочкой.

«Снимай меня со своего небесного ателье, мой непризнанный миром искусства гений!»

Люба, морщась от боли в запястье, взирала в небо. Она запомнила начинающего художника в кусках плоти, запихиваемых отцом в переносной холодильник. Его живой образ в её памяти был смазан пухом взлетающих в небо голубей.

–

Сообщество заканчивало морское путешествие на комфортабельном лайнере. В одном из портов группа кровопийц присоединилась к пассажирам судна, заполненного на треть.

Круиз подразумевал разгул. Как стихий, так и человеческих пороков. Началось всё с волнений на море. Продолжилось среди отдыхающих. Морская болезнь «излечивалась» алкоголем.

Идеальное место для восстановления сил сообщества. На их лицах застыли улыбки. Даже влюбленная пара Александров понимала «уют» создавшейся атмосферы. Саша стесненно перед своим прадедом краснела. Владимир подбадривал её взглядом.

В подобной суматохе никто не замечал пропажи пассажиров. Лишь удивленные лица команды при виде молодых людей, не страдающих от морской качки. Чем не могли похвастаться даже присутствующие на лайнере опытные моряки.

– Как низко ты пал, Владимир! – голос Нади подрагивал в обвинениях. – Ты предал нас!

– Нисколько... – Владимир был невозмутим.

Троица, отнюдь не святая, заперлась в каюте, позволив влюбленной паре (Александра плюс Александр) насладиться новыми ощущениями и собой.

Как в лучшие свои годы (в прямом смысле слова), старейшины сообщества попивали «знание», наслаждаясь собственной молодостью, силою и красотой.

– Твои обвинения голословны. – Владимир, закрыв глаза, дышал в такт корабельной качке. – И я не понимаю, что это. Крик отчаяния или голос ревности?

– Ты обезумел, Владимир! – Надя взглянула в глаза смеющейся матери. – Такое бывает от крови и очень часто – среди простых людей, но ты! Ты повидал её достаточно, чтобы сойти с ума...

– Власть, моя дорогая... Власть! – Вера крутила колесо настольной лампы, делая свет то ярче, то тусклее. – Он ощутил её вкус и свыкся с её послевкусием. Посмотри на него! Он уже не слуга, он тот, у кого должны быть слуги...

– Князь! – Надя наполнила титул присутствующего сарказмом.

– Именно! – Владимир открыл глаза. – Именно этого вы меня лишили, унизив и оскорбив. Я лишь вернул себе утраченное.

– Временно. – Глаза Нади потемнели до черного цвета. Её раздражало спокойствие Владимира и пассивность матери. – Это было временно...

– Возможно. – Владимир сделал глоток «знания» и понял, что он был лишним. – Возможно, меня переизберут снова!

– Ты говоришь, как политикан! – Вера понимала чувства дочери. Но голос интуиции подсказывал ей, что Владимир может быть не только опасным врагом, но и сторонником, усиливающим сообщество собственным влиянием. Было ещё что-то. – При этом не договаривающий чего-то. Как, в принципе, все властолюбцы...

Надя тоже не была слепа в гневе. Ее карты говорили о многом. Они, расклад за раскладом, выдавали маячащее на горизонте грядущее. Да и предупреждение шамана «прозрачных» было не беспочвенно.

– Вы всё знаете сами, милые девочки. – Владимир стряхнул с себя маниакальную страсть жертвы, из чьей крови было приготовлено «знание». – Или догадываетесь, что я знаю больше о «знании», о его существовании в будущем. И поэтому теперь я господин!

– Не надо выдавать желаемое за действительное! – в голосе Нади читался плохо скрытый крик отчаяния.

Он быстро оказался возле неё. Сильные руки схватили ее за плечи. Их глаза оказались в сантиметрах друг от друга. Ее засветились в подтверждение того, что она давно хотела оказаться в его крепких объятиях.

– Я вас оставляю, но завтра продолжим о грядущем...

Мимо Веры, закрывающей дверь каюты затерявшегося в морской стихии корабля, промчалась тройка летучих мышей, нашедшая своего господина.

–

Существует несколько научных теорий о причинах классификации крови по группам. И их зарождении. Древность человека, национальность, его перемещения по свету, влияние таких непреодолимых факторов, как климатические условия, микроорганизмы и появление вирусов.

Лжедмитрий обладал несколько иной информацией. И он был уверен, что она не такая лживая, как он сам.

Обладатели редкой группы крови в будущем становились уникальными существами, обладающими определенными способностями, наделяющими их властью. Той самой властью, что будоражит умы огромной части населения планеты. Как среди простых смертных, так и по ту сторону мира. Носители остальных групп займут соответствующее положение в иерархии существ. Как человеческих, так и нет.

Не являясь существом с редкой группой крови, всё-таки можно было стать ее обладателем. Банально и просто. Став существом, подобным представителям сообщества Князя. Лжедмитрий в своих представлениях именно Владимира возводил в лидеры сообщества. Все остальные в его понятии являлись фигурами лишь вспомогательными и незначительными.

Именно выпивая «знание», приготовленное на основе четвертой группы, со временем кровь употребившего его меняла свой состав и становилась той редкой, «недосягаемой, аристократической». При этом открывая заблокированные в течение двух-трех, а то и всех четырех тысяч лет способности человеческого организма. Но, что более важно, человеческого мозга. Открывая, соответственно, массу возможностей человеческому индивидууму.

Лжедмитрий с момента своего становления никогда не произносил этого вслух. Догадываясь о маленьких слугах Владимира и их связи друг с другом. Мыши, принося Владимиру информацию, с каждым разом разочаровывали его. Владимир умел ждать. Это подтверждал и факт возвращения его титула и положения в обществе и сообществе, как бы это ни звучало.

Но и Лжедмитрий умел ждать. Он обладал самой низкой и распространенной группой крови. Это корбило и угнетало. Но стимулировало к действиям или эффективным бездействиям.

Первым не выдержал Владимир. Он привык действовать на опережение, если не помогало ожидание.

Князь появился в резиденции замка сразу после возвращения в Европу. Остальное сообщество разделилось на пары, желая отдохнуть друг от друга и понимая, что впереди предстоит масса работы. Черновой работы.

Пресмыкаться перед князем «второсортным», казалось, было дано от бога. Или от дьявола. Дифирамбы. Восхваление. Клятвы. Не брезговали ничем. И, несомненно, были рады возвращению «Самого». Показательная коронация.

Владимир со своей аристократической позиции принял всё как должное. Кроме одного: незнание алгоритма смены группы крови Лжедмитрием. Владимир прочёл в этом ложь.

– Хорошо! – Владимир, сидя на троне, играл с мышами, ползающими по нему, словно по предмету неодушевленному. – Что ты хочешь?

– Всё! – Убедившись, что они одни в зале, Лжедмитрий сделал шаг к трону.

– Всё – понятие несколько растяжимое и абстрактное.

– Я хочу место в сообществе, положение, титул и новую кровь!

– Однако, аппетиты... – Владимир невольно вспомнил Адриана, который всегда довольствовался крошками с барского стола и тем не менее пошел на предательство.

– Информация и моя преданность стоят того! – Лжедмитрий балансировал на грани наглости и такта. Выражая это жестикуляцией и тембром голоса.

– Невозможно сделать объективную оценку сказанному... – Владимир согнал с себя маленьких слуг. – А верить на слово в наше время очень опрометчиво.

– Достаточно вашего слова, Князь!

– Слова? – Владимир нахмурился.

– Обещания, что я буду возле вас.

– Мы возвращаемся к озвученному мною секундой раньше о слове.

– Но вы благородны и не «разменяетесь» на мелкой лжи! – Лжедмитрий сделал ещё один шаг к трону в порыве.

– Странно слышать это от вас... – Владимир, задумавшись, наблюдал, как пикирующие со стены мыши улетают в окно, темнея уменьшающимися точками на фоне багрового светила. – Но почему нет!? Вот вам моё слово и моя рука!

Как десницу бога схватил Лжедмитрий протянутую конечность. Владимир одернул ее, морщась от предчувствия поцелуев на руке.

– Скрепим союз наш! – Владимир разлил по кубкам «знание». – До конца!

– До конца...

Лжедмитрий погрузился в новые для него ощущения. Владимир разглядывал молодое лицо напротив, напрягая память, которая никогда его не подводила. Возможно, мешали эмоции жертвы, чья кровь стала основой «знания».

Впервые фанатик стал преданным ему человеком. Корысть двигала остальными более ярко выражено.

Но где же он видел это лицо? Характерные надбровные дуги, форма носа, разрез глаз.

–

Саша и Александр посетили Рим. Став яркими представителями мира темных существ, они не забыли о тяге к прекрасному. Колизей, Пантеон, замок Святого Ангела... Им казалось, все увиденное строилось в любви или для любви как минимум. И никак не было пропитано кровью.

Они даже не заметили странных существ, которые шли вслед за ними, становясь невидимыми при малейшем обнаружении себя влюбленной парой. Серые, невзрачные тени. Они следовали, мягко крадучись. Сливаясь с тенями людей, отбрасываемыми солнцем.

–Что ты думаешь об этом? – Александр коснулся руки любимой женщины.

–Об этой сводчатой арке или об итальянской архитектуре в целом? – Саша казалась неестественно красивой и неземной. – Мне кажется, что...

–Ты понимаешь, о чём я! – Александр слегка сжал ее руку.

–Мм-м... Не знаю, мне всё это кажется каким-то сумасшествием, но если бы я не знала вековую подоплеку всего происходящего, и сама не была бы участницей произошедшего, я бы рассмеялась... – Она взобралась на древний камень, поросший травой, первого яруса Колизея. – Но слыша, даже частично, о грядущем, я боюсь... На самом деле страшно!

–Но я с тобой!

–Это бодрит. – Саша улыбнулась. – Но две песчинки в бушующем океане...

–Хватит метафор! – Лицо Александра стало серьезным. –Ты же понимаешь: в сообществе неминуем раскол. И необходимо принять нужную сторону во избежание позиционной ошибки... Как бы подло это ни выглядело.

Александр в очередной раз заметил движение теней среди развалин древнего памятника архитектуры.

– Ты предлагаешь принять сторону Веры и Нади? – Саша зажмурила глаза, попадая в яркий солнечный свет.

–Глупо предлагать такое, зная, что они противоборствуют твоему предку... – Александр еще раз взглянул в сторону мелькания теней. – Да и Владимир имеет власть над частью темного мира, а девочки...

–Что девочки?

–У них формула «знания», это сила. – Александр пожал плечами. – Но сила в слабых руках долго не продержится. Никто не забыл про эффективность пыток и прочего.

–И каков твой окончательный вердикт?

–Объединить бы две силы... – Александр вновь пожал плечами.

–Как? Подобный союз невозможен... – Саша засмеялась игре двух бабочек в солнечном луче, проникшем сквозь пролом потолка во мрак подвального помещения. – Смотри!

Александр едва успел схватить ее за руку возле лестницы, ведущей в подвал. Оттуда словно дхнуло могильным холодом. Шёпот. Шёпот, манящий и потусторонний. И стая летучих мышей, заглушающая этот шепот и отгоняющая от проема Сашу. Они пронеслись, пища, коснувшись крыльями ее легкого платья и волос.

Саша смеялась, словно играя с животными.

–Перестань... – Александр прижал ее к себе, чувствуя напряжение женского тела.

–Ты услышал их? – Она растеклась в его объятиях.

–Мышей?

–Нет, глупый...

Она целовала его. От нее пахло чайной розой. Глаза горели синим огнем. Он нес ее на своих руках. Его мышцы напрягались, возбуждая ее.

–Кого ты услышала? – Александр отпустил ее, шагнув во внезапно появившуюся экскурсионную группу.

–Голоса теней! – Она прижалась к нему в «бушующем потоке» иностранцев, обходящих их.

–Голоса теней прошлого... Гладиаторов древнего Рима? – Он заглушил незнакомую речь своим холодным голосом.

–Голоса теней настоящего... – Ее шёпот растворялся в ропоте толпы. – Потустороннего мира...

—

—Что нам делать, мама? — Надя опустила ноги в фонтан парка, наслаждаясь прохладой воды.

Парк был наполнен отдыхающими от дневного зноя в оседающей прохладе вечера. Голоса протекающих бесед в шуме фонтанов.

—То же, что и всегда — отнимать человеческую кровь, пить и, самое главное, жить... — Вера стерла капли воды с лица дочери.

Оттенки кожи Нади менялись вместе с подсветкой фонтана.

—Я не об этом, ты же знаешь.

—Ты о Владимире... — Вера улыбнулась красивым жемчугом зубов. — Как он, кстати?

—Он в форме. — Надя томно потянулась в воспоминаниях.

—В офицерской? Ну, это мы видели... — Вера звонко рассмеялась, притягивая взгляды отдыхающих. — Что-то новое проглядывалось?

—Оттенки власти, стремление подчинять. — Надя закусила губу. — Вне всякого сомнения, он изменился и... Он опасен, мама!

—Ну, это не новость... — Вера заметила пристальное внимание двух мужчин, но не услышала интуитивной подсказки об опасности.

—Он что-то знает о грядущем, и... это делает его сильным и опасным противником. — Надя задумчиво смотрела в никуда. — Таким, чьим сторонником быть просто необходимо, жизненно важно...

—Извините, не хотите провести вечер с двумя интересными людьми? — Двое стояли возле скамейки, на которой расположилась Вера.

Тень от кроны деревьев скрывала их лица.

—А что в программе: семинар молекулярной химии, дискуссия об индивидуальных способностях веществ? — Надя даже не взглянула в сторону подошедших.

Вера же рассматривала их и чувствовала какое-то притяжение к двум мужским особям.

—И чем это может помочь двум милым отдыхающим девушкам? — Надя всё-таки повернула голову и также ощутила притяжение, исходящее от мужчин.

Они синхронно шагнули вперед. Обоим было за тридцать. Европейская внешность, не лишенная красоты. Но какая-то усталость и обреченность во взглядах.

—Нет. — Голос одного можно было назвать приятным. — Обычный вечер без претензий на продолжение, обычный вечер для вас...

—Вы знаете, как заканчивается наш обычный вечер? — Вера взглянула на говорящего.

—К сожалению, или нет, но да! — Голос второго мужчины показался женственным.

Играла музыка в стиле блюз. Уютное кафе. Горящие свечи. Контингент — в основном влюбленные пары. Гармония во всём. В музыке, словах, взглядах...

—Мы знаем, кто вы. — Обладатель женского голоса все-таки оказалась женщиной. — Мы чувствуем подобных вам. Но вы особые...

—И...? — Вера глотнула вина. Она почему-то волновалась.

—И мы те, чья кровь изменит вас и ваше положение в будущем.

—Каким образом? — Надя не менее взволнованно смотрела на мужскую особь пары.

—Четвертая отрицательная... — Голос мужчины дрогнул, ломаясь в низких тонах саксофона. — Только употребление ее со «знанием» открывает вам те скрытые безграничные возможности, о которых вы не подозреваете и которые в будущем сделают вас сравнимыми с богами...

Надя переглянулась с матерью — они за свою долгую жизнь никогда не разделяли кровь по группам: они просто отнимали ее и пили, выживая, молодея и эволюционируя, если хотите...

—А почему мы должны вам верить? — Вера взглянула на ветви деревьев, откуда донесся шорох — мыши. — И почему мы?

–Почему? – Мужчина достал небольшой предмет с пачку сигарет. – Потому что мы каннибалы и, как оказалось, стали ими именно для жертвоприношения.

Предмет издал едва уловимый человеческим слухом звук – частота этих существ. Шорох в полуосвещенной фонарями листве. Мыши в панике покидают свое укрытие.

–Жертвоприношения? – Надя смочила губы красным полусладким.

–Жертвоприношения вам... – Женщина сверкнула усталыми глазами и прислушалась к минору гитарного перебора. – И у нас мало времени. Мы не хотим, чтобы «второсортные» правили и дадим вам контакты тех, кто, подобно нам, готов принести в жертву себя. – Она поднялась, глубоко дыша грудью и осматривая публику. – Нам пора!

–

–Девочка моя! – Женщина обняла Любу, прижав ее голову к своей груди. – Такого страха натерпелась...

Глаза ее мужа и сына-подростка не выражали сострадания. Люба видела подобные взгляды – её близкие так же смотрели на обычных людей. С аппетитом, как хищники на жертву.

Коты терлись о ноги гости. Квартира была тесной, но светлой. За окном еще был слышен голос говорящей с котами старухи, что привела Любу в дом ее друзей.

–Глаза не сломайте! Ешьте! – Хозяйка дома махнула рукой на мужа с сыном. – Пойдём, дочка, покажу, где сможешь отдохнуть. Устала с дороги...

Лица сидящих за обеденным столом, не меняя мимики и выражения глаз, уткнулись в блюда. Люба знала: они так же, не меняясь, обратятся к ней. Может, лишь сглотнув слюну. И с таким же выражением съедят её плоть.

Комната была светлой. Возможно, гостевой. И скорее всего, она не первая здесь гостя.

–Не бойся! Здесь тихо... – От женщины исходило материнское тепло и... тревожно пахло приготовленным мясом. – Сюда они не доберутся! Поживешь у нас.

–Спокойной ночи... – Глаза Любы закрылись, едва голова коснулась подушки.

Кошки, выпуская когти, топтались по ее телу. Затем урчащей массой укрыли ее, словно шерстяным одеялом.

–

Владимир слушал доклады, сидя в том же троне, что и до падения. Тот же зал кельтского замка. Камин. Едва уловимое эхо. Шорох крыльев кровопийц – маленьких слуг князя.

Те же два окна. В одном вид защитной стены и линия горизонта с восходящей ежедневно звездой. В окне напротив – часть внутренних построек замка и панорама заходящего солнца.

Казалось, что ничего не поменялось. И в тот же момент изменилось всё. Абсолютно всё. Господство над “второсортными” в прошлом не требовало усилий. Несколько капель «знания» для Адриана и обещаний для остальных было достаточно.

–Адриан, Адриан...

Теперь же, со знанием предстоящего упорядоченного построения иерархии среди “второсортных”, необходим был тотальный контроль и жёсткая дисциплина. Кровопийцы знали о будущем распределении ролей по классу употребляемой ими крови. И уже принялись истреблять жертв и делать запасы для будущей «карьеры». Конечно же, утечка информации от Лжедмитрия.

–Дмитрий, Дмитрий...

–Да, князь! – Он оказался возле трона.

Владимир произнес его имя вслух! Именно без унижительной приставки. Что означало доверие и негласное признание,... а значит, власть. Частичка власти.

Владимир оторвал взгляд от подчинённого, смотрящего, как преданный пёс, и жестом руки отпустил тройку “второсортных”, закончивших не услышанный им доклад.

Мыши, ощутившие биполярность, нахлынувшую на хозяина, небольшой стаей спикировали на него. Сев, они покусывали доступные участки тела, успокаивая князя.

–Ты понимаешь, что паника среди обладателей редкой группы крови заставит их прятаться, – Владимир смотрел в глаза Лжедмитрия, – а стремление к власти среди «нашей братии» откроет охоту на носителей этой группы. Это очередной хаос, война, столкновение с властями, которое... Которое пока нежелательно.

–Да, мой господин, я приложу все усилия, чтобы предотвратить хаос.

–Придумай что-нибудь, – лицо Владимира разрезала кривая улыбка, – не зря же тебе присвоили столь высокую «титულную» приставку.

–Да, господин... – Лжедмитрий склонился к отполированному камню пола, стискивая при этом плотно зубы.

–И привыкай к моим помощникам! – Владимир, подойдя к окну, смотрел на садящуюся «горячую» звезду. – Иногда они будут рядом с тобой, иногда... Это доверие, Дмитрий. Не безграничное, но все же доверие.

Лжедмитрий взглянул с неприязнью на летучих мышей.

Владимир нашептал что-то на ухо одному из летающих кровопийц, и небольшая стая, сорвавшись с потолка, улетела за лидером в окно. Тройка других животных, услышав шепот из рта хозяина, покружив, села на Лжедмитрия.

Они покусывали кожу головы и шеи, недовольно попискивая, вводя Лжедмитрия в ступор. Его трясло от прикосновений животных. Рука, предательски дергаясь, била по ноге. Смех Владимира заставил Лжедмитрия еще больше трястись.

–Князь... – Голос дрожал.

Капли «знания» растеклись по винным бокалам. Звон стекла. Шорох крыльев животных. Взгляды друг другу в глаза человеческих существ.

–Займитесь делами, ...Дмитрий!

Лжедмитрий бежал по коридорам. Бежал, на ходу молодея. Смех князя эхом догонял его. Маленькие слуги князя неслись вместе с ним. Лжедмитрий бежал от разоблачения. Он боялся, что Князь вспомнит его. Он боялся присутствия маленьких слуг Владимира. Он бежал, попадая в свет заката, пробивающегося в окна бойниц коридоров.

Его ждали дела. Личные дела. Где-то концентрировалась кровь редкой группы крови, которая должна была сыграть определенную роль в будущем, в будущем Лжедмитрия. Но вероятность разоблачения и мерзкие маленькие существа, теперь присутствующие в его жизни, усложняли процесс подготовки его «восхождения».

–

Надю рвало. Вены на ее лице вспухли. Организм отторгал «знание». Вера расширенными глазами смотрела на дочь, застыв в безуспешных попытках оказать помощь.

Тела четы каннибалов лежали рядом в ванной. Они уже не смогут дать ответ. Они сами попросили слить всю субстанцию с их организмов. Обосновав просьбу усталостью от преследований и исполнением воли, предписанной им свыше.

–Я... не понимаю... – Надя едва справлялась со спазмами. – Я все сделала правильно... Все как обычно.

–Я знаю, девочка. – Вера успокаивала дочь, недоумевая от происходящего. – Может, их кровь была изначально отравлена? Но интуиция подсказала бы мне это...

–Может, именно четвертая отрицательная не подходит для приготовления «знания»? – Лицо Нади серело в электрическом свете туалетной комнаты, глаза были похожи на тусклые фонари, горящие в предрассветные сумерки. – Что ты думаешь?

–За сотни лет нам не попала ни разу эта группа? – Вера вытерла лицо дочери. – Такая вероятность одна на миллион...

–Что нам делать? – Надя, как растерянный ребенок, смотрела на мать.

– Нам нужна свежая кровь и как можно скорее, остальные группы никто не отменял! – Вера вскочила, помогая дочери подняться. – Если только кто-то более могущественный не изменил формулу «знания».

Надя передвигалась на ватных ногах, натываясь на предметы мебели гостиничного номера.

– Но это могу сделать лишь я, – в голосе Нади звучала неуверенность, она все еще боролась с тошнотой, – или...?

– Видимо, нет! – Вера листала страницы блокнота. – Так или иначе, нам нужна кровь. Новая кровь!

–

Любу разбудил шорох. Шорох не в комнате, а за окном. В свете луны она увидела летучих мышей. Ветки яблони с завязавшимися плодами, стуча о раму открытого окна, раскачиваемые ветром, проникали в комнату. Маленькие зверьки, спрятавшись в листьях, смотрели на девочку с широко раскрытыми глазами.

Возня за стенкой. Люба невольно вжалась в матрас кровати. Тело сковал страх. Дрожь. Липкий пот.

Глухой стук, донесшийся из соседней комнаты, сгоняет с веток яблони летучих мышей. Царапающий по двери звук заставляет Любу дрожать еще сильнее. Звуки хождения. Скрип половиц. Люба зажимает свой рот рукой, чтобы не закричать. Скрип двери. Луч тусклого света разрезает полумрак комнаты. На полу тень. Она расслаивается на две.

Перед Любой два человекоподобных существа. На губах кровь. В глазах одного интерес. Он делает шаг, но рука второго останавливает его.

– Это не наша цель! – Голос схож со скрипом заржавевшего механизма.

– Мм-м... – Кровопийца разглядывал дрожащую Любу, как предмет искусства.

– Она даже не плотоядная! – Вид отговаривающего, схожего с ходячим трупом, держал Любу в ужасе. – Не говоря уж...

Первый, выглядевший моложе, откровенно любовался Любой. Но это не вселяло надежды на что-либо позитивное.

– Разве ты не сыт?

– Дело не в этом... – Молодой вампир сделал еще один шаг, Люба задрожала, казалось вместе с кроватью. – В ней есть что-то... божественное?!

– Тыква, петрушка и укроп! – раздался скрипучий смех второго вампира. – Лично я сыт. Ее кровь мы не можем смешивать с той, за которой пришли. Так что поступай как хочешь.

Вампир скрылся в другой комнате, унося за собой недовольное бормотание.

– Не бойся... – Голос молодого раскрепощал и убаюкивал Любу. – Я не причиню тебе вреда...

Шорох в ветвях яблони подтвердил возвращение летучих мышей. Люба и вампир синхронно посмотрели на шевелящихся в листьях зверьков. В глазах кровопийцы появилось сожаление. Он сделал шаг назад.

– Я найду тебя, обязательно найду тебя...

Вампир ушел. Люба уже не слышала перебранки в соседней комнате – она упала в пост шоковый обморок. Летучие мыши, залетев в комнату, исследовали ее. Писк. Укусы подростковой плоти.

Крик петуха. Покидание кровопийцами дома: человекоподобные уходят в светлеющие сумерки, летающие, поднявшись на высоту деревьев, направились на запад – в замок, где обитает их хозяин.

–

– Нет, все в порядке! – Вера откинулась на спинку кресла загородного дома. – Я ощущаю, прилив пережитых этой парой прошлой ночью эмоций: восхищением постановкой и игрой

балетной труппы, затем романтический вечер в роскошном ресторане, прогулка по парку и близость... Близость, основанная на высоких чувствах. – Вера, закрыв глаза, улыбнулась. – На любви.

– Да, ты права... – Надя цедила «знание», подобно сомелье, ее кожа принимала кофейно-молочный оттенок, а в глазах появился блеск. – «Скорбь Сатаны» Стокера – это балет; открытая кухня – утка, базилик; кормление лебедей в пруду; и секс, мм-м... интересные нотки. Стоп! Разве ты не видишь? Корысть мужчины!

– Ты о проигрыше на биржевых ставках и интересе к капиталам отца девушки?

– Да...

Они даже не потрудились убрать иссохшие тела полураздетых хозяев дома. Словно два манекена, брошенные в кресла гостиной, – влюбленная пара уже мертвой стала очевидцем диалога двух демонов, полемизирующих об их же достоинствах и недостатках. Об их чувствах и пережитых эмоциях.

– ... И о неуверенности мужчины в правильности выбора между двумя сестрами: кому из них отойдет стекольный завод в промышленной части мегаполиса... – Надя прикрыла глаза.

– Мужчины, мужчины... – Вера же, взглянув на дочь, улыбнулась повисшей на раме окна летучей мышью. – Но дело не в этом. Главное «знание» все еще в наших руках, и прошлая неудача – или несовместимость этой группы, или неудачная попытка кого-то из наших оппонентов...

– Так или иначе, – Надя, поднявшись, подошла к окну и разглядывала бесстрашного зверька, – мы еще в строю и мы еще сильны.

Вера щелкнула кнопкой прибора, оставшегося от каннибалов, носителей четвертой отрицательной группы крови. Едва слышный звук. Тело зверька передергивает судорога, и он, срываясь, с трудом улетает вдаль.

Девушки смеются. Еще несколько глотков «знания». Разлитое по бокалам вино. Тосты. Снова смех.

– Нам нужно уходить! – Тень тревоги пробежала по лицу Веры.

– Что?

– Ничего... – Вера сжала губы. – Прибери здесь, а я займусь охранником.

Надя улыбнулась, когда за матерью закрылась дверь, и вытащила из сумки косметику. Ей захотелось пошалить. Она раскрасила лица полу иссохших тел хозяев дома и их же кровью расписала стены.

–

Пух, летящий с голубей, попадал Любе прямо в рот. Он мешал ей дышать. Она задыхалась. Задыхалась во сне.

С пробуждением в легкие попал воздух. Куча котов лежала на ее груди. С мяуканьем животные разбежались в стороны.

Тяжелое дыхание с хрипом. Вдох за вдохом. Постепенное осознание реальности и последствия ночных кошмаров и видений. Успокоение.

Но гостиния приютившей ее семьи возвращает в ужасную реальность: окровавленные тела, скрюченные, как сломанные куклы. Дрожь и страх от увиденного. Ком за комом, подкапывающие к горлу. Сжатые губы. Стучащие друг о друга зубы.

Теплый воздух улицы обнял ее своими спасительными руками. За спиной – холодящий ужасом страшный дом с мертвыми телами почти родных существ. В ногах суeta кошек. Мяуканье.

Она бежит. Бежит, не зная куда. Цепочка котов бежит за ней. Стая бездомных животных, сменивших хозяйку, приведшую Любу в этот дом. В уже мертвый дом.

–

Они шли, обнявшись, по улицам древнего города. Рим поражал своим монументальным величием. Изъеденные временем здания впечатляли дыханием древности.

Молодую пару тревожило несколько иное дыхание. Нет, не ветра. Дыхание подвалов старых зданий. Они на самом деле дышали. Затхлостью, смертью и еще черт знает, чем.

– Я бы сказала, потусторонним, – прищурилась Саша. – Так дышат призраки: не колыхая воздух, не нарушая покоя... Но вселяя ужас.

– Ты думаешь, это они? – Александр щурился, глядя на солнце сквозь стекла солнцезащитных очков. – Но, по сути, они одни из нас. Или я не прав?

Саша коснулась чуть приоткрытыми губами его щеки. При этом обернувшись на шорох, донесшийся из тени здания.

– Мы не знаем, кто они – друзья или враги!

– В нашем положении трудно классифицировать по таким критериям любого встреченного кровососущего... – Саша потянула Александра за руку, уводя под свод древнего здания, оттуда слышалось журчание воды – фонтаны.

Из-под свода навстречу вылетела стая летучих мышей.

– Фонтаны крови льются...

– И будут литься. – Саша, перебивая, закрыла его рот ладонью. – Но они и лились, не переставая... Неизвестно, кто пролил больше: вся человеческая раса в целом или горстка вампиров?

– Попахивает демагогией! – Александр подставил ладони льющейся из кувшина древней скульптуры воде. – И что такое десяток жертв маньяка в сравнении с войной?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.